

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ СОЦИОЛОГА

М.А. Тарусин ДВУХЭТАЖНАЯ АМЕРИКА

Эти заметки были бы невозможны без доброты, гостеприимства и душевной щедрости моих друзей, которые, собственно, и вытащили меня в Америку, таскали по ней с энтузиазмом, вертели моей физиономией в разные стороны, знакомили с местным людом и их жизнью, а потом с грустью засунули в самолет и отправили обратно. На этих страницах я означил их только литературным присутствием, так как не имею мандата на полное знакомство читателя с этими замечательными людьми. А свою благодарность я храню в сердце и буду выказывать им при каждом удобном случае.

Храни вас Господь!

Параллели

Кроме самопознания, рефлексии, поиска своего и человеку, и нации свойственно желание сравять. Мы вечно, всю свою историю, сравнивали себя с Европой, интуитивно именно там надеясь найти формы своей внешности. Это естественно, потому что не было последние несколько сот лет иной живой цивилизации, обустроенной так, как хотелось бы нам обустроиться. Что бы ни говорили, но от Востока Россия все же далека неизмеримо. Мы преемники православной Византии, но всегда хотели быть шире и смелее своего духовного родителя. Европа казалась нам тем механизмом, восприняв который, мы дополнили бы нашу самость разумным общественным благом. Однако пропасть между нами и Европой с веками лишь увеличивалась и не оттого, что мы не учили европейские уроки, а оттого, что европейцы не вняли своему опыту обучения учеников.

Европа старела, а Россия — странное дело — век от века оживлялась неведомой силой. И в процессе этого многовекового общения разумной Европы с неразумным соседом неожиданно за океаном родилась новая цивилизация, отъяв у Европы почти последние здоровые силы. История юной, едва за двести лет Америки не несет на себе печать векового величия, но сегодняшний ее образ, ее живое состояние и энергия должны бы заставить нас пересмотреть наши перспективы. Великий наш историк А.И. Панченко на надоевший вопрос отвечал так: "Когда мы будем жить, как в Европе? Когда будем так жить? Да никогда!"

Мне думается, он имел в виду даже не столько уровень благосостояния, а само медицинское состояние дряхлеющей старухи, с которой вообще странно сегодня пытаться сравнить вновь молодую Россию.

ТАРУСИН Михаил Аскольдович — руководитель отдела социологических исследований Института общественного проектирования.

Зато как хочется сравнить нашу новую молодость с этой молодой и задиристой Америкой! Правда, у нее пока молодость первая, наша же — посчитайте сами. Навскидку — Киевская Русь, Иван III, Петр I, Екатерина Великая, большевики со "светлым будущим". Молодели мы не раз, зато и болели тяжело, и умирали как страна и как нация тоже страшно — другим не приведи господь. Но сегодня мы опять молоды и снова ищем себя и смысл своего будущего и внутри — в своем прошлом, и вовне — в окружающем мире. Но для сравнения надобны образцы. Совсем уж карикатурная старушка Европа для этого явно не годится. Если еще век назад мы могли опасаться ее и миллионы терять, чтобы оборониться от ее последнего "Броска на Восток", то сегодня при всем желании представить ее насуплено марширующей к нашим границам как-то странно. Анекдот, да и только. Сравните то, как сегодня НАТО, крадучись и примирительно хихикая, подбирается к России, с атакующей удалью их прадедов. Да и тесно там русской душе.

Оборотившись же через плечо и обозрев Восток, достаточно взгляда, чтобы понять — нет, такими мы быть не хотим, да и не сможем. И не оттого, что Восток — дело тонкое, просто встаньте против зеркала с китайцем рядом — нет, Сунь Вунь, не глядеться мне в тебя, как в зеркало.

Но с другой стороны Земли есть странная страна, похожая на нас чрезвычайно. Она схожа климатом (а это очень важно), простором пространства (а это еще важнее), людьми, внутренне молодыми и не стесненными тысячелетними психозами. Правда, у них пока только первая молодость, в отличие от нашей пятой или шестой, и они еще никогда не умирали, да и толком пока не родились, нравственно, по крайней мере. И тем не менее, если с кем мы и можем и должны себя сегодня сравнивать в нашем видении будущего, так это с Америкой и более ни с кем. Нет другой страны на свете, так удобной для этого сравнения, и нет пространства, более схожего с нашим.

Когда в юности я читал Ильфа и Петрова "Одноэтажная Америка", я поразился тому, что авторы телят и стульев не только не пролили на эту землю свою сатиру и желчь, но, напротив, говорили о ней благожелательно, а если и обличали, то как-то снисходительно, как потакают человеческим слабостям вообще. Рассказы О. Генри рисуют мир людей душевных, ранимых, порой лукавых и жуликоватых, с неизменным юмором, с несчастной судьбой, с надеждой на счастье, любовь и житейский покой, словом — обычных симпатичных людей вроде нас с вами. Рисунки провинциальной Америки Набокова вполне живописны и милы, герои мелодрам Драйзера, едкой политической прозы Пена Уоррена, лиричного Селлинджера — все это казалось нам близким и живым. А как очаровало всех советских шестидесятников фото седобородого, в свитере, со спокойным трагизмом во взгляде Хемингуэя? Не было стены московской квартиры без этого взгляда.

То есть мир американский был для русского вполне внятен и близок ("нам внятно все...").

Но был и есть другой американский мир — холодный и отчужденный, цепко оценивающий окружающее как жертву, политически расчетливый и римско-имперский. В сущности, это был и есть европейский колониальный менталитет, который определяется гордыней и презрением ко всему иному. Как-то один довольно видный американец спросил меня:

— Скажите, а в России нас так же ненавидят, как и везде?

Американскому туристу, замечу кстати, предлагают памятку, как вести себя в разных странах мира, и настойчиво рекомендуют лишний раз не объявлять себя

янки во избежание почти обязательных неприятностей. Не так давно правительство США создало комиссию, долженствовавшую ответить на вопрос "Как преодолеть негативный образ Америки в мире?". Комиссия заседала два года и была распущена за полной никчемностью. Тем временем госдеп опять составляет список стран, куда американским туристам лучше не соваться. Список постоянно расширяется. Говорят, уже готовится другой, со странами, куда соваться еще можно, этот будет куда короче первого.

Вот такой парадокс, видите ли. Вроде ребята неплохие, а как-то не сложилось у них с обществом человеческим. Пойди разберись отчего.

Но я летел в Америку не для того, чтобы разрешить парадокс современности. Скорее, чтобы проверить чужие впечатления и занять свои. Чтоб прощупать пульс чужой жизни, пообщаться с местным людом, ученым и не очень, и посмотреть да посравнить и выпить да закусить. Неужто не постигнуть Америку русскому человеку после третьего стакана? И не схватить ее суть после пятого? И не выписать ей рецепта после восьмого? И не забыть все это следующим утром?

Первые встречи

С высоты земля видится вполне приличной — зелень лесов, аккуратно нарезанные поля, кучки домиков и нитки дорог. Везде примерно одно и то же, различия начинаются внизу. Сидельцы салона, страдавшие за девять часов безделья, уткнулись носами в холодные стекла. Сидеть столько времени в примерно одной позе невозможно, разве что первые два часа. Потом начинают варианты, и салон делается похожим на театр Мейерхольда. Перемена положения тела становится утонченной до крайностей. Если экономкласс сужает рамки, то "бизнес" дает простор для творчества. Позы выглядят все более причудливыми, вплоть до коленок на кресле, откляченного вперед зада и головы, упокоенной подбородком на спинке этого же кресла.

Немудрено, что в аэропорту Бостона я являл собой тип пришибленного, но хорошо воспитанного дебила. Суровая сухая леди за стойкой погранзоны спросила меня что-то.

— Что-с? В смысле what-s? — сказал я.

Она медленно повторила.

— Ну, это... на three weeks.

Новый вопрос.

— Ась, простите... я что-то не совсем...

Повтор.

— А, ну, так визит to my friends. Ну и... посмотреть to see America, — я сделал широкий жест рукой, как вождь на постаменте.

Вопрос.

— Что-с, позвольте, как-то не того...

Она сделала неприятное лицо и замахала на меня руками.

Далее на таможне стояли два здоровенных лба в черных эсэсовских мундирах и смотрели, как я приближаюсь.

— Hello, — я улыбался им, как старым друзьям. Где-то я слышал про суровость американского кордона.

Один лоб с прищуром посмотрел на меня и спросил, сколько денег я везу. Я понял это по слову "money".

— A... two hundred dollars, нет, нет — two thousand... или hundred... нет, по-моему, thousand.

Он помолчал и спросил:

— Так hundred or thousand?

— Э-э-э... нет, все-таки thousand.

Он некоторое время изучал меня, двигая челюстью, потом сказал:

— You are welcome to America.

И я вышел в Америку, но оглядеться не успел. Меня встретили мои друзья, профессор и его жена Таня. Они тискали, тыкали, пинали, трясли меня так, что я начал немного оживать.

Татьяна — обворожительная женщина небольшого роста с большими живыми глазами, ее энергии хватило бы на взятие Рейхстага, причем не в 45-м году, а в 41-м. Седой молодежавый профессор оттенял жену спокойствием и мягким юмором.

У них была настоящая большая американская машина, я сел сзади, Таня за руль и тут же от души дала по газам. Профессор рядом с ней углубился в GPS-навигатор.

Меж тем мы проезжали леса да поля, изредка попадались чахлые домики, дорога была четырехрядная (две полосы в одну сторону и две — в другую), и мне на миг показалось, что я еду по Ярославке на дачу и что Америка мне только привиделась. Дороги тут, замечу кстати, хороши, но не все, платные и местные в порядке, а государственные зачастую, что на той же Ярославке, — трещины да колдобины.

Вдоль обочины порой валялись дохлые олени с вывороченными шеями, сбивают их тут периодически, но никто не забирает трофей, за ним приезжает специальная похоронная, а куда деваает туши — не ведаю, может, и вправду хоронят — с них станется, экологический народ.

Мы съехали на двухрядную дорогу, потом еще куда-то свернули и оказались у двухэтажного дома, где жили друзья моих друзей и где мы должны были остановиться на несколько дней.

Я вышел из машины и окунулся в мягкую, неторопливую деревенскую тишину. Кругом стояли симпатичные щитовые дома, сосны, почтовые ящики на палке и ни души кругом. Окна в домах кое-где светились. Я стоял в этой тишине и смотрел на парадную дверь, по обеим сторонам которой висели в горшках две копны ярких полевых цветочков.

Фанера, сайдинг и гипсокартон

Тут надобно сказать, что подавляющее большинство частных домов в стране деревянные. И не из бруса или бревна, а именно из досок. Вначале собирается каркас из палок, потом снаружи он обивается досками, часто внахлест, а внутри — фанерой. Промежуток заполняется утеплителем вроде стекловаты. Перегородки внутри из гипсокартона. Все это штукатуруется и красится. Каменного в доме — фундамент да длинная кирпичная труба, корнем которой является камин. Дома все крашены в спокойные светлые тона. Покраска производится каждые три-четыре года, что хлопотно и накладно. Впрочем, последнее время появился дешевый и надежный материал — сайдинг. Надежные материалы были и раньше, но не были дешевы, а янки копейку ох как считают. Сайдинг удовлетворил всем требованиям, и сегодня дома только на вид деревянные, а на деле поч-

ти все обшиты сайдингом, который делается под вид досок внахлест — как хозяйева привыкли. Внутри дома все санитарные удобства, канализация, электричество и телефон подведены еще до строительства, зато газа нет, его держат сами, кому надобно, в баллонах, в основном для барбекю и гриля.

Интересно, что со времен Ильфа и Петрова дома здешние подросли всего на этаж — что так мало? А то, что много земли кругом, почти на каждый участок по полгектара, а есть и поболее. Логичнее развиваться вширь — оно же и красивее, больше фантазий для форм и содержания. К тому же Великий и Ужасный Федеральный Закон регулирует высоту постройки — не выпендривайся. Да никто здесь этого не любит и не понимает — урок вам, дутым индюкам с Рублевки. Забабахали бы вы такую пятиэтажную хрень в здешней глубинке — завтра же все было бы снесено, да еще подзатыльников наполучали бы по своей миллионской башке.

Но дома только внешне двухэтажные. Внизу подвал, который частично может быть оборудован под жилье, а также под ванную, гараж на две машины, стиральную комнату и кладовую — настолько велик он и просторен. К тому же имеется мансардный этаж, который часто используется как спортивная площадка — под тренажеры, стол для пинг-понга, массажные кресла. Жилых же этажа все-таки два. Первый обычно понимается как жилой — там тебе и гостиная, переходящая в кухню, кабинет, библиотека. Все может быть удвоено, смотря по габаритам. Наверху спальни, их количеством обычно меряется величина дома (а также количеством санузлов).

В архитектуре домов могут быть всякие отклонения, смотря по рельефу местности. Профессор с Таней жили в доме, где гостиная с кухней и верандой были на одном уровне, затем выше на полэтажа помещались их спальни и кабинет, а ниже на полэтажа — еще один кабинет и гостевая спальня. И уже с этого уровня шла лестница вниз, в подвал, где была стиральная комната, библиотека и выход на задний двор — опять же стриженный газон и молодые вишни. Оттого дом казался очень уютным, с забавными ступеньками вверх и вниз и всякими комнатами да закоулками.

Кстати, дверей в таком доме куда больше, чем комнат, половина из них ведут во встроенные шкафы большой величины, куда новый гость может невзначай войти, как я в первую ночь. Вариантов домов может быть множество, и здешние строители большие мастера по части создавать жилые пространства под любой вкус и каприз.

Дома все проходные, т.е. имеют не одну дверь наружу, а две–три. Парадная, задняя, и еще где-то сбоку — так, для души. Задняя может вести на большую открытую деревянную же веранду, которую здесь зовут deck, т.е. палуба. На ней несколько пластиковых кресел, стол с пляжным зонтом посередине и здоровый гриль, накрытый чехлом. Парадная дверь, кстати, вызвала у меня укориженное покачивание головы — мало что филенка, так еще и со стеклянными вставками и открывается вовнутрь — дурак не вышибет. Но хозяева сказали мне, что живут уже двадцать лет и не то что у себя, а и далеко окрест ни о чем подобном не слышали.

Учтите, дома и бедняков, и богачей — все одной щитовой природы, только у первых попроще, т.е. поквадратней, одна гостиная, кухня, два туалета с душем, две спальни. У вторых — заковыристей. Это как? А так, что архитектура асимметричная, разноуровневая, с флигелями и крыльями, эркерами, деревянными же колоннами и прочей красотой, радующей глаз с фасада. Модные раньше крытые галереи вокруг дома нынче как-то ушли в прошлое и сохраняются только в южных штатах, где жаркий климат оправдывает такие изыски. Дома, как правило,

выдвинуты вперед, так что между домом и дорогой остается только метров пять стриженного газона. Окна широкие — вид из окна ценится высоко, тем паче что пейзаж деревенский и приятный глазу. Форточек нет, а нижняя часть окна подымается наверх и крепится там. Раз я стоял возле такого открытого окна и отмерял дозу из большой бутылки водки в рюмку. Вдруг бабах — окно звездануло вниз, сорвавшись с крепежа. Результат — прыжок вверх, струя мимо и крепкий московский мат.

На задах может быть бассейн, опять же площадка для барбекю, можно посадить деревья, которые непременно придут обглаживать олени. Эти ребята здесь ничего не боятся, поскольку на них не только не охотятся, но и палкой их отогнать по закону нельзя, можно на них только наорать. Газон на заднем дворе должен быть такой же высоты, как и перед домом.

С этим газоном национальная беда. По тому же Его Величеству Федеральному Закону высота травы не должна превышать некоего размера, приличествующего общественной эстетике. Если же газон нарушит гармонию, хозяину вчинят штраф, а при повторении сего злодеяния — вплоть до аутодафе. И стрижет газон вся Америка три раза в месяц, а то и чаще. А те, кто утруждаться не желает, нанимает мексиканских парней, которые берут за то 25 баксов.

— Ну, а если я желаю буйство зелени, — сказал я, — земля моя, хочю английского заросшего.

— Вот и езжай туда и зарастай, — ответили мне, — а земля хоть и твоя, да закон на ней государственный. А закон в Америке — и отец, и царь, и бог. Против закона — против Америки.

Да. Против Америки — в порошок сотрут. Почти на каждом доме висит звездно-полосатый флаг и не по праздникам — на каждый день. И шутить по этому поводу — упаси господь. Свобода — это святое.

Кстати, я внес свою лепту в свободу, покосив травку перед домом. Свобода отдалась в спине — как все американское, газонокосилка имела движок, как у "Оки", и редела болидом "Формулы-1". Я долго тяжело дышал и решил, что несвобода как-то здоровее.

Обустроенное пространство

Мой друг часто говорит о необходимости обустраивать разоренное русское пространство. Здесь я увидел обустроенное американское.

Друзья моих друзей были людьми науки, жили тихо, с соседями не общались — это здесь вообще не принято. Мало того, ежели ты после 21 часа вдруг запоешь от радости на веранде, сосед тут же настучит копам, те приедут и радости лишат. После этого как-то не дружится. Зато тихо, за домом — лес, в доме телевизор, да по выходным приезжает фургон с мороженым, оповещая о себе веселым мотивчиком из рожка на крыше кабины. У каждого дома две–три машины, поскольку автобусов считай что и нет, кроме желтого school bus, который собирает детишек по утрам и ворочает после.

Утром мы ехали в магазины, и я, наконец, разглядел окружающее пространство. А оно было обустроено. Что я имею в виду? А вот что.

Пространство в Америке русское в смысле масштабов и климата — от степей и жары на юге до лесов и снега на севере. Поскольку сельским хозяйством там заняты процента три–четыре населения, остальное пространство вне городов свободно. Вот там-то и сосредоточена жизнь. В Америке полно городов средних и малых. Они стоят пустыми, о чем речь впереди, а вот в полчасе езды от них

начинаются бесконечные пригороды в виде поселков, которые здесь называются "эрии" — от слова "ареал". От основного хайвея идут бесконечные ответвления вправо и влево, а там дорога вновь раздваивается и ветвится. Это все отличные, хотя и зачастую двухрядные шоссе, на которых, впрочем, пробок никогда не бывает — плотность не та. Кругом кусты и деревья, среди которых бесконечной чередой идут эти самые щитовые дома, объединенные в комьюнити, т.е. поселки.

Вдоль дорог часто можно видеть фермы. Это коттедж, ангар, силосная башня, гараж для тракторов и прочей техники, загоны для скота и вспаханные поля кругом. Тут же таблички — "картошка", "кукуруза", "земляника". Все это можно купить, а если еще и самому собрать с поля, так будет дешевле некуда. Фермы есть работающие, но много и заброшенных. Это значит, что подросшие дети работать на ферме отказались, а нанимать батраков семье не по средствам. Есть, впрочем, и строящиеся фермы. Мало, но сам видел. Вот, кстати, забота о сельском труженике. Там, где строится ферма, Закон обязывает власти протянуть канализацию, электросети и телефон. Бесплатно.

И так по всей Америке. Это, собственно, и есть американская жизнь. Дальше от города домов все меньше, хотя встречаются отшельники, стоящие одиноко, среди леса. После дорога может быть пустой на многие мили — тянутся леса да доли, потом опять появляются одинокие виллы с непременным стриженным газоном, все чаще, пока не пойдут опять эрии — явный признак приближения какого-то городка. Или небольшой деревни. В деревнях на отшибе проживают, как правило, старики. Они живут одни, отдельно от детей и внуков, но так же лихо водят свои машины и собираются вечером в местном ресторане с вполне, кстати, приличной кухней. В деревнях в моде "траки", этим словом здесь называют не только дальнебойные магистральные тягачи, но и гибрид здорового джипа спереди с открытым кузовом грузовика сзади. Ревет такой трак красного цвета с громадными колесами по деревне, заворачивает к дому, останавливается, и из него долго, кряхтя, вылезает сушеная старушка с палочкой.

В одном таком селе мы остановились отобедать по причине хорошего ресторана шотландской кухни, о котором известно далеко за пределами самой деревни. Необычный сруб темного дерева, роскошно отделанный внутри под шотландскую тематику, очень приличная кухня и три компании стариков и старушек, зашедших сюда на вечерние посиделки. Девушка в красной клетчатой юбочке обслуживала споро и на мою просьбу принести мне "тройную водку в одном стакане безо льда и лимона" тут же принесла все, как надо, и без лишних переспросов.

Там, где возникает обжитое пространство, непременно появляется торговый город. Он состоит из молов, которые расположены так, что от любого дома любой эрии до них езды минут пять, не более. Въезжаешь на асфальтовое поле величиной с пять футбольных — это стоянка. С трех сторон широченные невысокие здания, условно говоря — "все для дома", "одежда", "продукты". Внутри товарные полки уходят в перспективу, любой из продуктовых деревенских молов больше самого громадного московского раза в три. Хозяйственный мол вообще, по сути, склад, железные леса, как строительные, тянутся по его периметру и пересекают во все стороны. С нижних можно брать товары, верхние на уровне третьего этажа — не подступишься. Ездят подъемники, на площадке стоит мексиканец и орудует ящиками — одни спускает, а другие подымает. От одного я было шарханулса с непривычки, заметив его прямо над головой, он стал громко извиняться и прижимать руки к груди, хотя виноват ни в чем не был.

То, что весовой товар здесь покупатель взвешивает сам и сам клеит бумажку с ценой, уже говорил Задорнов, размышляя по-русски об этом местном обы-

чае. Но что и кассы здесь без кассиров — этого я не ожидал. Сам подходишь к кассе, сам свои покупки вжикаешь через световой индикатор, потом вжикаешь карточкой и — идешь восвояси. Поле для творчества необъятное.

И ездят в эти молы жители окрестные по субботам и затариваются на неделю, отчего тележки на манер детских колясок для тройни. Навалит такую телегу янки, довезет до своего трака, да и оставит тут же. На этот случай есть убогие, которые те телеги собирают, вставляют одну в другую и длинной вереницей толкают к магазину. Убогие они в том смысле, что с дефектами разными медицинскими, их принято брать на эту несложную работу, чтобы чувствовали они свою нужность обществу.

При этом американцы — фанаты распродаж и часто устраивают их в своих эриях. Избавляется, к примеру, человек от ненужных вещей — переезжает или еще чего — и вот он широко объявляет о том, что тогда-то там-то состоится *garage sale*, и все стекаются к его гаражу, где можно взять "за грош пятаков", т.е. за пару долларов то, за что в другом месте отдал бы два десятка.

Но часто деревни возникают по воле бизнеса. К примеру, посмотрел Большой Босс на счета за городские траты компании, вызвал к себе Небольшого Босса и говорит ему:

— Вот что. Надоело мне много платить, хочу платить мало. Давай-ка переселиться в лес, подальше отсюда.

И возникает от мегаполиса милях в двадцати–сорока, прямо среди леса, приличное такое здание с намеком на замок, с башнями этажей на десять. А это не замок, а новый головной офис крупной, часто всемирно известной компании. А вокруг него, скрытые в лесу, появляются эрии из частных домов, в которых и живут сотрудники компании. Тут же вырастают молы, поскольку потребитель — вот же он, рядом. И начинается неторопливая, вполне себе деревенская жизнь.

Вот так примерно и обустроивается пространство в Америке. Все удобно, все практично и продуманно, все для человека, для того чтобы Россия... пардон, Америка была самой привлекательной страной для жизни.

Средний класс

Ну, а кто живет в этих домах и затаривается в молах? А вот тот самый "средний класс", объем которого мы в России хотим довести до 60% в обозримом будущем. И которого сегодня в Америке где-то 70–75%. Нижняя граница этого класса — 50 тысяч долларов в год на семью из 4 человек, т.е. примерно по тысяче долларов на нос в месяц (семья из двух родителей и двух детей). Дальше идет повышение доходов, и средний семейный годовой доход этого среднего класса — 150–200 тысяч, т.е. уже примерно по 3500 баксов на более довольный нос в месяц. В этот средний класс кто входит? Да все — госслужащие, учителя, университетские преподаватели, шоферы, рабочие, врачи, продавцы, частные предприниматели, финансисты, короче, в кого ни плюнь — попадешь в средний класс. Плевать не советую только в 15–20% населения бедных и очень бедных (о них речь позже) и в 10% ну очень богатых, которые сегодня владеют 60% всех богатств страны (а 1% вообще в прошлом году заплатил 45% всех налогов).

Именно средний класс и обустроивает пространство. Это они строят фанерные дома и стригут газоны, они вешают флаг страны на фасаде, живут послушно и тихо, имеют по две машины на семью и по спальне на человека. Дом их стоил десять лет назад 100 тысяч, а теперь уже 200 тысяч, а выплачивают они 4% го-

довых при 3% инфляции, что очень хорошо. В доме том четыре спальни, гараж на две машины, два санузла (с ванной), гостиная, кабинет и гостевая спальня и большой дэк (открытая веранда на столбах), а там большой гриль, купленный недавно за 200 долларов. Доход их 150 тысяч в год, да только вот дочка учится, а это 10 тысяч в год убытка, зато сын пойдет работать, а это 15 тысяч в год прибыли, так что все хорошо. Они не строят заборов, разве что есть недобрая собака — тогда забор предписан Законом. Они много работают (до 50 с лишим часов в неделю), дома смотрят телевизор и едят.

Сидит седоватый толстый дядька на диване, хрустит чипсами и щелкает пультом — к его услугам сто программ, да еще разные платные. Из даровых большинство программ на тему "сделай сам", там веселые поджарые дядьки вечно что-то мастерят, строгают и красят. Оно и понятно, ничто так не занимает американца, как его дом. Ничто на свете не может быть ему интереснее и ближе. Чуть ниже — бейсбол, американский футбол, ну, баскетбол, ну, теннис, ну, хоккей. Что там еще в мире есть? Да, выборы президента! Это круто, в натуре. Это такой бейсбол, на целый год. Это же есть о чем говорить с друзьями и высказать свою гражданскую позицию. Новости из внешнего мира? Да, следим, как наши хорошие парни делают демократию в Ираке. Еще другой мир есть? Да-да, мы слышали, что есть. Но там как-то все... смутно как-то, нездорово. Зато вот еще есть такие юморные программы — обхохочешься. И викторины тоже есть ничего, я недавно даже на три вопроса ответил — мог бы там 50 баксов получить.

Жена дядьки — благожелательная толстуха. Вообще вот это выражение сонно-благожелательного состояния встречается в провинции часто. Стоит посмотреть на встречного больше секунды, он тут же говорит "хай!", а старушки — старомодное "хелло".

Дети в такой семье розовые и даже к 20 годам окружены подростковой аурой. Парень молчалив и прыщав, дочка уже заимела круп, который ее мамаша нажила только к 30 годам, зато непосредственна и шумна не в меру. Поскольку дети взрослые, в семье появилась третья машина, подержанная и скромная. Из-за нее вечные скандалы и споры. Кстати, машины у среднего класса ну очень средние. Это в Нью-Йорке встретишь выпендрож, да и Москва сегодня на сто очков впереди. А в провинции (повторяю, там-то и есть Америка) — унылая легковушка да трак. Траки, правда, здоровые — традиция такая, ну так и дом немаленький, так что кузов оправдан расчетом. Почему нет скоростных машин — да потому что везде, по всей Америке, даже на федеральных хайвеях ограничение 65 миль в час, около 105 км по-нашему. Разрешается легкое головокружение — до 70 миль, дальше — Закон. Это на трассах, а как свернешь в сторону, к жилью — 45 миль, 30 миль. И все так и едут! Так на кой этот "Феррари"?

Копы не посмотрят на тачку — они на радар посмотрят. А если уж тормознут, вот тут Закон так Закон. Сиди мышью, руки на руле, не шевелись и улыбайся. Он сам подойдет, тогда и канючь подольше и смотри жалобно. А он из-под козырька изучает, и если ты — смазливая американочка, может, и смилостивится, возвратив права и сказав:

— Больше так не делайте, мэ. Счастливого пути.

Давеча вновь прибывший русский (приятель профессора) взял рент кар и на радостях свободы в стране свободы свободно притопил миль 100 по пустой трассе. Когда его прижал завывающий кар копов, он по простодушию своему вылез из машины и, лыбясь, широко раскинув руки для объятий, пошел на побледневших копов, крича что-то радостное по-русски вроде:

— Командир, что за дела, договоримся...

То есть "имся" он не успел, так как получил страшной силы удар дубинкой по балде и очнулся уже мордой на капоте с наручниками сзади и обвинением в падении на полицию. Зако-о-он, как сказал бы покойный Евдокимов.

Кстати, насчет "договоримся". Взятка копу? Знаете, лучше сразу прострелите себе ногу, хлопоты и неудовольствия, с этим связанные, обойдутся гораздо спокойнее и дешевле, чем реализация первоначальной мысли. Нет, взятки здесь берут, люди живые, но гарантий никаких, решительно никаких. Поймают — посадят, кто бы ни был. Вон недавно десяток мэров посадили. Поймали — и посадили. И они никуда не звонили, потому как еще хуже будет.

Так что ездят все по Закону, при этом споро, но как-то спокойно, никто никому не мешает, подрезают слегка, но редко. Когда Татьяна этим отличалась (а ее нетерпеливая натура мешала неторопливой езде), то сзади тут же раздавался возмущенный би-бик. Тогда Татьяна, не снижая скорости, вскидывала обе руки вверх, крутила ладошками и громком пела:

— Ну, сори, ну сори, сори, ну очень даже сори....

Кончив извиняться — шлеп — обе ладошки на руль и еще пуще по газам. Профессор молча вздыхал, он не любил вольнодумства.

В субботу семья садится в две тачки и едет на шопинг.

Надобно отметить, что все товары в стране, в этих вот молах рассчитаны исключительно на средний класс. Тут диктатура большинства в 75% и в магазинах только то, что они покупают. А то, что они не купят, тут и нет. А они просто не знают, что еще может быть такое, кроме того, что они покупают. Поэтому, если им предложить то, что они не знают, они и покупать не будут. Потому что они этого никогда не покупали. Вот поэтому этого и нет.

Я долго ходил по одежному молу — разнообразие мучительное, но стоит приглядеться, как понимаешь, что все примерно одно и то же, но в разных вариантах, как если крутить кубик Рубика — цвета меняются, а суть — нет. При этом — берут, но по каким соображениям — не вник. Вот идет тетя с телегой и методично, чуть не каждую десятую, хватает с вешалки кофточку и кидает себе на ход. Глаза отрешенные, алгоритм непонятен.

Я искал жене что-нибудь элегантно и часу на третьем нашел костюм а-ля Америка 50-х, в одном экземпляре и больше близко ничего не было — это из сотен тысяч разных бабьих тряпок. То же в мебельном — типичная "Икея" с американским налетом масштабности. Это касается в основном техники. В подвале дома, где я жил, стояла стиральная машина — вылитый ледокол "Ленин" по габаритам, рядом — сушилка мало меньше. Гриль выглядит как отрезанный капот с крыльями от дальнобойного трака, весь в хроме и пасть открывается вверх, как у бегемота.

Но страшнее всего в продмаге. Гектара два поллок, забитых под завязку, все пестрит и мелькает так, что начинается морская болезнь. Выбор сделать невозможно, здесь умерло бы целое стадо буридановых ослов. Американцы по этому городу жратвы бегут, вцепившись в тележки. Не будь у них опыта водил с детсада, грохот стоял бы непрерывный. Но как-то уворачиваются и несутся к одним им знакомым полкам.

И все это при том одном обстоятельстве, что все это дикое разнообразие на вкус как-то немного, м-м-м... однообразно. Куры, сосиски, гамбургеры, салат, сыр, колбаса — а это я щас чего съел? Что-то не понял.

Зато цены! О, великий Гермес, что за цены! На продукты — московские и ниже, на шмотки — в два-три раза ниже наших, хозтовары — почти такие же, но опять ниже, ниже! И все притом в несколько раз лучше, свежее, качественнее, надежнее. И все продадут с нежнейшей улыбкой, как лучшему другу, и половина — со скидкой. А скидок сколько! В тот день, что я туда зашел, была особая скидка для иностранцев. А? Каково? А потому что канадцы часто едут и им такая вот преференция. А есть еще и сезонные, и от фирмы, и на отдельные товары, и еще шут знает на что.

— В Америке, — сказал мне профессор, — не бывает "самого дешевого". Всегда можешь найти дешевле.

Нет, ни один Дворкович мне не объяснит, отчего Джон с тугой мощной покупает все в два раза дешевле, чем Иван с дыркой в кармане.

Ладно, что еще делает средний класс в субботу? А суббота еще и для отдыха. Естественно, на природе. И тут разговор особый.

Субботний отдых

Работать американцы умеют и, по-видимому, любят. Работа это все — дом, машина, телевизор, молы, жена, дети, барбекю и вообще душевное спокойствие. Ее отсутствие — крах американской мечты и вообще жизни. У американцев врожденная способность к постоянному вкалыванию, и вот эта способность и сделала Америку Америкой. Европейец работать как-то еще да, но уже и не очень. Маховик крутится, поддал ему слегка — и ладно. Мы в России больше в истерике навалимся, вспотеет да крепко сядем перекурить. А эти вот не спеша ногами упрутся, лбом уткнутся и пыхтят себе годами. Мужики, кстати, до 67 лет, бабы — до 63 (там есть свои тонкости).

Но и янки уже не угнаться за встрепенувшимся Востоком. Ежели надменный китаец или кореец упрется, так он упрется сразу лет на сорок, без передыху, и только чахлым стариком усядется на коврик смотреть тусклым взглядом на опостылевший мир. Нет, янки народ попроще. Отпыхтев свое денное, он садится на любимый диван в своей ниф-нифовой вилле, ноги на столик, пиво — в морду, морду — в телевизор и чипсовый хруст. По выходным у него окрест масса возможностей.

Здесь обязательно будет местный здоровенный крытый бассейн, крытые же теннисные корты, спортзалы и гольф-клубы. Платишь по сто баксов за клубную карту теннис-клуба и ходи круглый год. Я заглядывал туда и особой толпы народа не заметил.

Зато вот где народу было много, так это в местном Национальном парке. Что это такое? Это леса да озера, только имеющие статус парка, границы, охрану и своих полицаев. Бывают парки локальные (местные), графства, штата и федеральные. Въезд туда платный (пяток баксов), зато там есть родные глазу стриженные газоны, а на них длинные деревянные столы со скамьями да деревянные же навесы. Обязательное озерцо с пляжем, кучей народа и очень важными "спасателями Малибу", которые сидят на вышках и зорко следят, хотя глубина такая, что и русский алкаш не утонет, хотя ему, как известно, "и лужа по уши". Торчат тут и там мангалы к твоим услугам и парковки тут же, в десяти метрах.

Я лично видел, как средняя семья вылезла из трака и принялась разгружаться. Коробки и ящики папа, мама и два увальня-недоросля таскали минут десять и оставили им стол метров пять в длину весь.

— А здесь же вроде палаток ставить нельзя, — сказал я.
— Нельзя, — сказал профессор, — а что?
— Так вон эти-то... еды же на неделю.
— Это, — профессор опытным оком окинул стол, — нет, это они все сегодня съедят.

— Мама рóдная, — сказал я.

Меж тем средний класс уже растопил мангал и клал на решетку первые котлеты, сосиски и кукурузу, на столе — караваи хлеба, зелень, консервы, была уже вынута литровая бутылка кетчупа, чтоб придать хоть какой вкус всему этому, а из сумок все что-то вынималось и раскладывалось.

Мы с профессором присели перекусить недалеко от них, вынув одну немецкую колбаску на двоих, помидорчик, хлебушка да две бутылки пива.

— Ты их не жалей, — сказал профессор, перехватив мой взгляд, — это они нас сейчас жалеют. Они точно решили, что мы два бомжа, порылись вот в помойке, нашли, что бог послал, и тому рады.

Пиво, кстати, как и другое спиртное, в таком парке категорически возбраняется. Я в сотый раз сказал что-то об американских законах вообще и об этом в частности. На что профессор ответил:

— На каждый плохой закон всегда найдется ненадлежащее его исполнение. И хлебнул пива добре.

Впрочем, даже пиво следовало сосать с оглядкой, не столько из-за лесных копов, сколько соседей, которые блюсти Закон почитают за честь и долг посредством ябедничества, за что по нашему закону получили бы первый кнут.

А вот те, кто живет ближе к океану, едут не в лес, а на побережье. Там тоже есть стриженные газоны, с теми же столами и мангалами, только переходит эта зона отдыха не в озеро или лес, а в пляж, омываемый атлантическим приливом (я был на восточном побережье). Дорога в эту отдыхающую идет вдоль побережья, справа океан, слева ну о-о-очень дорогие дома. То есть они все из той же фанеры и досок, только поболее, позатейливей, а главное — стоят на очень дорогой земле. Собственно, и цена самого дома часто определяется ценой земли, а цена земли — разными соображениями, как то: видом на океан, социальным статусом соседей, близостью цивилизации и проч.

Вдоль побережья небольшие магазинчики, где торгуют лобстерами, живыми, прямо из большого аквариума — на выбор. Здесь же его могут вам и сварить, если вы замыслили съесть его в прибрежном парке. А рядом харчевня "трех пескарей", где вам подадут очень вкусный суп из тех же лобстеров, креветок и еще чего-то на молочной основе. Все это тоже упаковывается, так что расположившись за деревянным столом на лужайке, можно хлебать супчик, а потом наслаждаться лобстером, глядя на океан и потягивая носом свежий бриз с запахом морской тины.

Но бывает и другой вид отдыха — коллективный. Это разговор особый и заслуживающий внимания хотя бы в силу того, что навскидку янки не кажутся уж очень общающейся нацией. Но это не совсем так.

Блок-пати со свиньей

"Пати" — поход в гости, по-нашему. Они бывают разные. Есть застольные, есть стоячие вроде нашего фуршета, когда в одной руке тарелка, в другой бокал (а в третьей — вилка, что ли?). Я был в Америке и на тех и на других, общаясь с умными людьми. Это все хорошо. Но есть и особый вид здешнего пати — блок-пати. Это вот что такое.

Есть, значит, эрия, а в ней несколько улиц. Квадрат из четырех улиц образует один блок. Стало быть, все в этом блоке — соседи. И вот один из жителей блока, наиболее энергичный и крутой, раз в год зовет всех соседей блока на блокпату. Правила здесь такие — могут прийти соседи, а кроме того, каждый может пригласить еще и своих друзей, так что всего набирается человек 150–200. На задней лужайке устраивается простор для народа — столы, навесы, стулья, скамьи. Часто, если места мало, объединяются соседские лужайки. Гостям не возбраняется приносить (точнее, привозить) с собой свои раскладные стулья, и считается хорошим тоном захватить что-нибудь из выпивки и закуски. Сами хозяева тоже выставляют, что бог послал, но главный номер — здоровая свинья, которая целиком, с пятакон и ушами, лежит в гигантском мангале на углях уже часов шесть и за которой хозяин следит лично. В нашем случае им был здоровый малый с короткой козлиной бородкой в темных очках и лысой головой. Он выглядел несколько пиратом, вид имел боевой, но на деле оказался школьным учителем. Стремительным шагом Петра Великого он шагал по лужайке, распоряжался, командовал, ни на кого не обращая внимания.

Народ меж тем собирался и являл собой публику крайне разношерстную. Отдельно на веранде сидели чистенькие свежие старушки, старики ветеранского вида, нескладные молодухи таскали тарелки на столы, молодежь сосала пиво и гоготала, а дети возле музыкальной эстрадки орали в караоке так невыносимо, что я изредка постанывал. Но детей здесь до отрочества воспитывать не принято, так они и резвятся. Воспитание здесь заменяется естественностью, которая нам видится развязностью.

Мы сели на скамью, через стол от нас скушно сидели добродушный папаша под 160 весом, добродушная мамаша под 100, все лет за сорок, мрачный прыщавый подросток и веселая толстая дочка годов на семь. Она тут же убежала к детям и, как позже выяснилось, была единственным связующим звеном. Ее подруга — дочь хозяев, тоже, конечно, могла позвать своих друзей, вот она и позвала подругу со всей семьей.

— Вы тут знаете кого-нибудь? — спросил нас папаша.

— Никого, — сказали мы, — а вы?

— Тоже никого, — сказал он, — сыну это не нравится, хочет домой.

— Взаимно, — сказал я, — но ведь нужно дождаться свинью.

Парень оглянулся на мангал, взял мой аргумент в соображение, и они хором сказали:

— Да, свинью мы подождем.

Папаша оказался шофером, т.е. жизнь столкнула меня с самой типичной американской семьей. Благожелательность, казалось, витала над ними легким облаком.

Заговорили про выборы.

— А вот скажите, — спросил я, — какое бы главное напутствие вы дали будущему президенту? Что сегодня главное для страны?

Легкое облако исчезло, и глаза его сверкнули.

— Бензин должен быть дешевле четырех долларов за галлон, — отчеканил он, — это вам скажет любой простой американец. Еще недавно он был доллар за галлон! Доллар!!! А теперь четыре!

Я стал пересчитывать в литры.

— Так и у нас примерно так же, — сказал я.

Он поинтересовался, где это — так же.

— Россия! — воскликнул он. — И как там у вас демократия? Я слышал, она что-то не очень.

Мне показалось, что он интересуется не собственно Россией, а состоянием здоровья демократии в ней.

— Сейчас уже получше, — сказал я, — сначала было чуть не померла, а нынче вот поправляется.

— Это хорошо, — серьезно сказал он.

Я вышел покурить перед домом (на лужайке возбранялось) и увидел длинный ряд "Харлеев" красоты невыносимой. Хром сверкает, дуги руля изогнуты рогами — мучительно готов взречься. Тут же, возле гаража, стояли байкеры — банданы, бороды, темные очки, непроницаемые рожи, татуировки на руках и кожаные штаны. Они стояли своей кучкой с намертво приклеенной к руке бутылкой пива. Это последние миражи американской свободы. Видели бы вы, как потомок детей прерий сидит на своем "Харлее", как рычит этот зверь, как гордо вздернуты руки в кожаных крагах на рога руля, как гордо несется бородатый байкер по хайвею! И упоительное чувство независимости рвется из груди и отражается в зеркальных очках ослепительное солнце Свободы. И решительно седок подымает скорость с разрешенных 45 миль в час до 47!!! Вот оно — безумие смелости и отваги!

Вернувшись, я обнаружил, что дети, встав у караоке в ряд, вдруг нестройно завопили... Национальный гимн США! Этого я, признаться, совсем не ожидал. И тут же развалившийся в шезлонгах народ стал подыматься, и скоро вся поляна стояла навтыжку — молодухи, парни, тут же снявшие бейсболки, толстые дядьки и худые старики, байкеры — все стояли и торжественно слушали фальшивое детское пиццанье вразнобой. Торжественность и серьезность момента наличествовали на всех лицах и только с последними словами "of the brave!" раздался отчаянный вопль хозяина.

Оказалось, под звуки гимна загорелась свинья и все кинулись ее тушить, кто пепси, кто — пивом. Хряк лежал обугленный и навевал нехорошие ассоциации.

Вообще, надо сказать, живого общения было мало, все как-то кучковались, как пришли. Ритуал внезапной встречи знакомого примерно таков:

— Ха-а-а-ай!!! (Крайняя степень восторга и умиления!)

— Ха-а-ай!

— Как ты?

— Как ты?

— Увидимся!

— Увидимся!

И — в стороны. Нет, не так учили нас на Родине.

— Ну, здравствуй, — говорит мне мой друг голосом человека, которому позволили перекур между пытками.

— Привет, — говорю я, — как ты?

— Все ужасно, — говорит он, — все.

Дочь в gripпе, на машину отобрали права, а после этого он еще ее разбил, жена работает, но бесплатно, а у него болезнь, которую врачи уже год не могут определить, и еще две, которые определили. И еще нет денег. Совсем.

— Это еще что, — говорю я, — вот у меня тут...

— А! — говорит он без интереса. — А у меня еще вот что привалило...

Привалило не в смысле удачи, а совсем наоборот.

— Ну ладно, — говорит он, — держись.
— И тебе того же.
И нам обоим приятно и легче на душе.

Свинья, кстати, оказалась на удивление пресной и безвкусной. Говорят, это порода такая — совсем без жира, одно мясо, да и то — как местные сосиски. Надо же — и свинью мутировали под "Макдоналдс".

Мы ушли в разгар пати, поскольку свинья уже лежала одной черной мордой с одной стороны противня и хвостом — с другой, водки тут не было, а пиво больше не лезло.

Я потом думал: вот зачем это все устраивается? Мне кажется, в отсутствие постоянного общения ребятам этим нужна некая форма социальной солидарности, знак, по которому узнаешь "своего" и тем погасишь возможный конфликт. Многие живут рядом, и при встрече рефлекс сработает: "О! Вместе свинью ели" — и тут же приветственный "хай", "мы с тобой одной крови, ты и я". Такого заряда хватает, видимо, на год.

Татьяна познакомила меня со Стивом, который таким манером устраивал для соседей блок-пати целых десять лет. Потом перестал — уехал его друг, главный спец по свиньям. После чего прошло уже лет шесть, но никто из тех, кто регулярно кормился этими свиньями, ни разу не позвал Стива к себе хоть на гамбургер.

Непрочны, ох непрочны свинские связи.

Слово о свободе

Да, это очень свободная страна. Настолько свободная, что все давно свободно о свободе договорились. И теперь здесь на каждом углу поставлено законов как заборов, чтобы этой свободе ничто не мешало. Законов об охране свободы много и каждый американец их знает и читит.

Запомните, московские идеологи, свобода это не когда все можно, что хочу, а когда вокруг все накрепко договорились о том, что можно, а что нельзя. И когда всех это совершенно устраивает.

Свобода — это когда всем нравится то, что можно, и не нравится то, что нельзя. Потому что то, что можно, — это свобода, а то, что нельзя, — угроза свободе. Свобода нуждается в законе, как дикий мустанг — в загоне. Иначе — сбежит, лови ее потом.

Окончание следует.

In the magazine's new column — Sociologist's travel notes, Mikhail Tarusin, a well known sociologist describes his trip to the United States, and shares his impressions of the Americans' everyday and social life. He compares his notes with the famous Russian writers' travelogue, "One-Store America".